

Особенности коллизионного регулирования международных гражданско-правовых отношений в арабских странах — участницах БРИКС

Аннотация. В статье рассмотрены основные коллизионные принципы и нормы, закрепленные в национальных источниках арабских государств, входящих в БРИКС. Освещены особенности внутриотраслевой кодификации коллизионных норм, проведенной в Египте и Объединенных Арабских Эмиратах, констатируется отсутствие коллизионного регулирования частноправовых отношений в Саудовской Аравии. С учетом роли ислама в развитии правовых систем арабских стран в статье отмечается влияние исламского права на коллизионное право арабских государств. Затронуты также некоторые позиции в правовой доктрине арабских стран по вопросам дальнейшего развития коллизионного регулирования и кодификации норм международного частного права.

Ключевые слова: международное частное право, коллизионные нормы, отраслевая кодификация, гражданский кодекс Египта, личный закон физического лица, статут иностранного юридического лица, вещный статут, выбор применимого права, исламское право, публичный порядок

**Ильяс Мифтахович
КУТУЗОВ,**

доцент кафедры
международного частного
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических
наук, доцент

ilaskutuzov@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3.075-081

Ilyas M. KUTUZOV,

Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (History), Associate Professor

ilaskutuzov@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Features of Conflict of Laws Regulation of International Civil Law Relations in the Arab BRICS Countries

Abstract. The article examines the main conflict-of-laws principles and norms enshrined in the national sources of the Arab states that are members of the BRICS. The features of the intra-industry codification of conflict-of-laws rules conducted in Egypt and the United Arab Emirates are highlighted, and the problems of conflict-of-laws regulation of private law relations in Saudi Arabia are indicated. Taking into account the role of Islam in the development of the legal systems of Arab countries, the article notes the influence of Islamic law on the conflict of laws of the Arab BRICS member states. Some positions in the legal doctrine of the Arab countries on the further development of conflict of laws and the codification of its norms were also touched upon.

© Кутузов И. М., 2025

Keywords: *private international law, conflict of laws rules, industry codification, Egyptian civil code, personal law of an individual, statute of a foreign legal entity, substantive statute, choice of applicable law, Islamic law, public order*

Внимание к иностранным коллизионным нормам и принципам связано с особенностями правоприменения в международном частном праве и в целом со спецификой коллизионно-правового регулирования частных отношений международного характера. Как отмечают А. Н. Жильцов и А. И. Муранов, «в современных условиях полноценное и успешное развитие отечественной науки и практики международного частного права невозможно без ознакомления с иностранным регулированием в этой сфере, усвоением его достижений и уроков»¹.

В связи с развитием торгово-экономических связей Российской Федерации с арабскими странами, заключением и исполнением соответствующих коммерческих сделок возрастает необходимость учета арабских национальных правовых порядков в механизме регулирования трансграничных гражданско-правовых отношений и при разрешении споров по ним. Важным фактором правового регулирования трансграничных частноправовых отношений и правового сопровождения международного бизнеса в арабских странах является формирование в них коллизионного права.

Доминирующей формой кодификации МЧП в арабских странах является внутриотраслевая — правила выбора применимого права и единичные процессуальные коллизионные нормы включаются в акты кодификации гражданского права, в основном в качестве отдельного раздела общей части гражданских кодексов. Начавшись с принятия отдельных нормативных актов в Марокко (1913, 1914 и 1925), этот процесс продолжился с появлением специального коллизионного регулирования в гражданских кодексах Египта (1948), Ирака (1951), Ливии (1954), Кувейта (1961), Ливана (1967), Бахрейна (1971), Алжира (1975), Иордании (1977), ОАЭ (1985), Йемена (1992), Катара (2004). Важным событием в кодификации коллизионных норм Туниса стало принятие в этой стране в 1998 г. Кодекса международного частного права.

Одним из объективных факторов развития коллизионного права в странах Арабского Востока, как отмечалось в научной литературе, служат религиозные характеристики их правовых систем². К примеру, согласно ст. 34 Гражданского кодекса Йемена, «в случае, если в законах Республики отсутствуют соответствующие положения, разрешающие коллизию законов, рассматриваемую судом, то

¹ Муранов А. И., Жильцов А. Н. Национальные кодификации в современном международном частном праве. Тенденции и противоречия в его развитии на пороге третьего тысячелетия // Международное частное право: иностранное законодательство. М. : Статут, 2000. С. 13.

² См., например: Гетьман-Павлова И. В. Современные тенденции в процессе национальных кодификаций международного частного права (на примере стран Азии и Африки) // Международное частное право: универсальные и региональные аспекты. М. : Юстиция, 2018. С. 38—53.

применяются признанные на международном уровне принципы международного частного права при условии, что ни один из этих принципов не противоречит нормам мусульманского права³.

В последние годы ряд арабских стран (Арабская Республика Египет, Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Саудовская Аравия) стали участниками БРИКС, что обуславливает дополнительный интерес к их правовым системам в целом и к коллизионному регулированию договорных отношений в частности. В указанных странах не принимались специальные законы (кодексы) по международному частному праву и коллизионные принципы и нормы закрепляются в гражданских кодексах и других гражданско-правовых актах (внутриотраслевая форма кодификации).

Основной круг коллизионных норм Египта закреплен в главе 1 Вводного титула Гражданского кодекса страны 1949 г. (с последующими изменениями и дополнениями). Данный правовой акт в целом (и в коллизионной части) формировался под влиянием права Франции и одновременно, как замечают Н. Л. Камышева и А. И. Муранов, «вобрал в себя достижения различных толков мусульманского права, равно как воспользовался результатами судебной практики египетских судов, накопившимися после судебных реформ конца XIX века»⁴.

Для коллизионного регулирования международных гражданско-правовых отношений важное значение имеют положения египетского ГК о квалификации юридических категорий, правовом статусе иностранных физических и юридических лиц, наследственном, вещном, договорном и деликтном статутах, множественности правовых систем, публичном порядке. Египетский закон является «единственно компетентным» для квалификации правовых категорий, с которыми связано спорное правоотношение и соответствующая коллизионная ситуация (по определению ст. 10 Кодекса — «коллизия между различными законами в каком-либо определенном процессе»). Тем самым утверждается, что первичная квалификация коллизионных норм («для цели указания на применимое право») осуществляется по национальному (египетскому) праву.

Вопросы дееспособности иностранцев регулируются, согласно ГК, «законами гражданства». В качестве основного подхода к определению личного статуса юридического лица в Кодексе закрепляется принцип оседлости (воспринятый из коллизионного права стран континентальной Европы). Согласно абз. 2 ст. 11 Кодекса, «правовой статус иностранных юридических лиц: обществ, ассоциаций, учреждений или других — подчиняется закону государства, на территории которого находится местопребывание основного и действенного органа управления юридического лица». Одновременно в указанной статье Кодекса определяются обстоятельства, в которых для определения личного статуса юридического лица будет применяться другой доктринальный подход — принцип центра эксплуатации (место основной деятельности), распространенный в странах Азии и Африки. Такое исключение из общего правила Кодекс устанавливает для юридических

³ Международное частное право : сборник национальных кодификаций / сост. и отв. ред. В. Плеханов. М., 2021. С. 352.

⁴ Международное частное право: иностранное законодательство. С. 294.

лиц, осуществляющих свою основную деятельность в Египте. К личному статусу таких юридических лиц «применимым является египетский закон»⁵.

Наследственный статут («наследования, завещания и прочие распоряжения на случай смерти») определяется по Кодексу «законом гражданства наследодателя, завещателя или лица, сделавшего распоряжения, на момент смерти»⁶. В Кодексе различаются вещный статут недвижимого и движимого имущества («недвижимостей» и «движимостей»). Вещные права (в том числе права владения, право собственности) на недвижимость подчиняются закону места его нахождения («расположения»). Такая же коллизионная привязка определяется Кодексом для договорных отношений, «относящихся к недвижимостям». Что касается движимого имущества, то вещные права на него подчиняются «закону» места, где находится движимость на момент, когда возникло основание, вызвавшее приобретение или утрату владения, права собственности или других вещных прав⁷.

Коллизионное регулирование договорных обязательств затрагивается в ГК лишь в отношении договоров между физическими лицами и проявляется в закреплении коллизионных привязок — «закон местожительства, когда оно является общим для обеих договаривающихся сторон» и «закон места, где договор был заключен» (применимый в отсутствие общего места жительства сторон договора). При этом Кодекс упоминает о праве сторон договора согласовать применение другого закона, что можно трактовать как определенное закрепление принципа «автономии воли».

Среди прочих коллизионных принципов в ГК упоминаются право страны, на территории которой появилось основание для возникновения внедоговорного обязательства (в том числе деликтного), закон места, где предъявляется иск или осуществляются судебные процедуры (по вопросам компетенции судов и формы судебной процедуры), национальное (египетское) право — при определении личного закона египетского гражданина с двойным гражданством.

Условием обращения к вышеуказанным коллизионным положениям (нормам) Кодекс определяет отсутствие другого специального законодательного регулирования или международных соглашений, «действующих в Египте»⁸. Во избежание проблем коллизии коллизий (в том числе возможной обратной отсылки) в ГК закреплено правило, согласно которому «в случае отсылки к иностранному закону должны быть применены его внутренние положения, за исключением положений международного частного права»⁹. Тем самым исключается обращение к коллизионным нормам иностранного права. При этом применение иностранного закона на основании коллизионных норм Кодекса исключается, «если он оказывается противоречащим публичному порядку или добрым нравам в Египте».

Специальные нормы о применении принципов МЧП толкуются в соответствии с предписаниями общих норм. В частности, в ст. 1 ГК Египта (общая норма) указывается, что «при отсутствии нормы права судья принимает решение на основе

⁵ Международное частное право: иностранное законодательство. С. 295.

⁶ Международное частное право: иностранное законодательство. С. 296.

⁷ Международное частное право: иностранное законодательство.

⁸ Международное частное право: иностранное законодательство. С. 297.

⁹ Международное частное право: иностранное законодательство. С. 298.

обычая, а при отсутствии обычая — в соответствии с принципами мусульманского права. При отсутствии таких принципов подлежат применению принципы естественного права и правила справедливости»¹⁰.

Коллизионное регулирование частноправовых отношений в Объединенных Арабских Эмиратах осуществляется на основе положений Закона 1985 г. «О гражданских сделках» (далее — Закон), заменившего нормативные акты отдельных эмиратов. Закон был составлен под существенным влиянием Гражданского кодекса Египта, в том числе в части коллизионной составляющей. Необходимо учесть и неизбежное влияние исламской догматики на содержание Закона, принимая во внимание традиционное влияние исламского права на регулирование общественных отношений и закрепление в Конституции ОАЭ 1971 г. положения о том, что ислам является государственной религией. Также можно указать и на такой косвенный правовой фактор, как обсуждение (в период подготовки Закона) на уровне Лиги арабских государств проекта унифицированного кодекса о сделках.

Ряд содержащихся в Законе коллизионных положений текстуально совпадают с рассмотренными выше формулировками статей египетского Гражданского кодекса. В частности, это относится к нормам о применимом праве к вопросам дееспособности и сделкоспособности иностранцев (ст. 11.1), о статуте иностранных юридических лиц (ст. 11.2), о наследственном статуте (ст. 17), вещном статуте (ст. 18), договорном статуте (ст. 19).

ОАЭ относятся к странам, законодательство которых принимает обратную отсылку. В пункте 2 ст. 26 Закона закрепляется применение права ОАЭ, когда это предусматривает «международное частное право применимого права». Одновременно Закон устанавливает, что при отсылке к иностранному праву применению подлежат «его внутренние положения с исключением тех положений, которые относятся к международному частному праву». Тем самым из сферы применения исключаются коллизионные нормы иностранного права. Также в Законе обращается внимание на ситуации, когда «невозможно доказать применимое право или определить его смысл». В этом случае Закон предписывает применять право ОАЭ.

Закон более категорично (по сравнению с египетским Гражданским кодексом) формулирует ограничения в применении иностранного права в силу оговорки о публичном порядке. Положения иностранного права, определенного в качестве применимого согласно коллизионным нормам Закона, не подлежат применению, если они «противоречат исламскому шариату, публичному порядку или правилам морали в государстве Объединенные Арабские Эмираты» (ст. 27 Закона).

Как и в египетском ГК коллизионные нормы Закона охватывают главным образом вопросы гражданского права, оставляя вопросы торговых отношений для регулирования специальными актами торгового (коммерческого) права. В ОАЭ действует Федеральный закон 1993 г. «О коммерческих сделках», регулирующий, помимо всего прочего, отдельные виды международных торговых сделок. В частности, речь идет о международных продажах на условиях ФОБ (ст. 133) и СИФ (ст. 141). Другой особенностью данного Закона является то, что он содержит

¹⁰ Цит. по: Гражданское и семейное право развивающихся государств. М. : Издательство Университета дружбы народов, 1989. С. 27—28.

коллизийные нормы вексельного права. Согласно ст. 495 Закона вопросы, связанные с формой переводного векселя, регулируются правом страны, в котором он составлен, а вопросы правоспособности должника по переводному векселю — его личным законом («в соответствии с его национальным законодательством»).

Особенностью правовой системы Саудовской Аравии является отсутствие законодательно закрепленных коллизийных норм. Регулирование гражданско-правовых вопросов и предпринимательской деятельности, в том числе частных имущественных отношений международного характера, основывается на источниках исламского права¹¹. Среди нормативных актов в сфере хозяйственной деятельности следует упомянуть Королевский декрет 2000 г. № М/1, 5 Muharam 1421 об иностранных инвестициях и Королевский декрет 1965 г. № М/6, 22/3/1385Н о компаниях. В последние годы в стране начали приниматься специальные нормативные акты в сфере гражданского права. В частности, 18.06.2023 Королевским указом № М/191 был утвержден законодательный акт о гражданско-правовых сделках, который вступил в силу 16.12.2023. Этот нормативный акт представляет собой кодификацию обязательственного и вещного права, содержит общие правила о субъектах и объектах гражданского права. В отличие от подобных нормативных актов в других арабских странах он не содержит указаний на коллизийные нормы и принципы.

Следует отметить, что в правовой доктрине арабских стран рассматриваются проблемы коллизийного регулирования трансграничных частных отношений, в том числе в формате дальнейшего его развития с учетом расширяющихся международных торгово-экономических связей, ростом международной бизнес-активности и иностранного инвестирования в арабских странах¹². Наряду с учетом современных тенденций в развитии коллизийного права в других странах и регионах (в частности в ЕС), арабскими правоведом в сфере международного частного права подчеркивается необходимость правового обеспечения экономического прогресса, в том числе путем развития современных правовых институтов частного права в целом и международного частного права в частности.

Одним из факторов такого развития рассматривается создание в Дубае Международного финансового центра (DIFC) с автономной юрисдикцией, в рамках которой действуют специальные правовые акты материального и коллизийного регулирования, создающие правовую среду роста экономики. Представляется, что развитие торгово-экономического сотрудничества и правовых связей арабских стран с другими государствами в рамках БРИКС может послужить

¹¹ Как замечает Л. Р. Сюкияйнен, «в Саудовской Аравии в официальных документах не используются термины “закон” и “законодательство”, поскольку первый из них по-арабски передается заимствованным словом “канон”, которое ассоциируется с иностранным влиянием, а второй является однокоренным с термином “шариат”» (Сюкияйнен Л. Р. Фикх — источник современного права в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. М. 2019. № 4. С. 232).

¹² См., например: *Elhawary A. M.* (2013). Regulation of Conflict of Laws in the United Arab Emirates // *Arab Law Quarterly* 27(1), 1-27. URL: <https://doi.org/10.1163/15730255-12341246>; *Ali Essa Aljasmī* Choice of Law in the United Arab Emirates: the Need For Reform. *International Journal of Economics, Commerce and Management United Kingdom*. Vol. VI. Is. 6. June 2018.

дополнительным фактором в развитии нормативного регулирования трансграничных частных отношений, в том числе его коллизионно-правовой составляющей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гетьман-Павлова И. В.* Современные тенденции в процессе национальных кодификаций международного частного права (на примере стран Азии и Африки) // *Международное частное право: универсальные и региональные аспекты* / под общ. ред. Т. П. Лазарева, М. П. Шестакова. — М. : Юстиция, 2018. — С. 38—53.
2. *Гражданское и семейное право развивающихся государств.* — М. : Издательство Университета дружбы народов, 1989. — 190 с.
3. *Кауракова В.* Саудовская Аравия. Особенности правового режима иностранной собственности // *Экономика. Право. Общество.* — 2017. — № 4. — С. 52—62.
4. *Международное частное право: иностранное законодательство* / предисл. А. Л. Маковского ; сост. и науч. ред. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. — М. : Статут, 2000. — 892 с.
5. *Международное частное право : сборник национальных кодификаций* / сост. и ред. В. Плеханов. — М., 2021. — 1112 с.
6. *Сюкияйнен Л. Р.* Фикх — источник современного права в арабских странах // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* — 2019. — № 4. — С. 222—245.
7. *Ali Essa Aljasmī.* Choice of law in the United Arab Emirates: the need for reform // *International Journal of Economics, Commerce and Management United Kingdom.* — June 2018. — Vol. VI. — Is. 6.
8. *Elhawary A. M.* Regulation of Conflict of Laws in the United Arab Emirates // *Arab Law Quarterly.* — 2013. — 27(1). — 1—27.

